

Си Янь была слишком умна, настолько, что слишком много думала.

Чжан Хэн вообще не заботился о семье Конг, и причина, по которой он спрашивал этих двух девушек, была в том, что он беспокоился о том, что его прямое действие по уничтожению Чжан Даоджиа оставит их в кошмаре, который они никогда не забудут, в конце концов, не каждый может вынести мысль о том, что кто-то уничтожен у него на глазах, не говоря уже о женщине.

Си Янь посмотрел на Чжан Хэна и осторожно сказал... Может, забудем об этом? Он просто платил по губам и не делал ничего лишнего".

Чжан Хэн улыбнулся и посмотрел на Лин Мэна.

"Лин Мэн, а ты?"

"I... Я думаю, что то, что сказала сестра Кси, осуществимо".

Чжан Хэн кивнул головой и не заговорил.

Независимо от того, какое решение попробовать, до тех пор, пока Лин Мэн и две девушки чувствовали, что это осуществимо, тогда это было осуществимо.

Чжан Хэн переориентировал свое внимание на Чжан Даодзя.

"Ты должен поблагодарить их за их доброе сердце, иначе ты бы стоял на коленях передо мной в этот момент."

"Смертная казнь простибельна, но живая казнь непростибельна!"

"Сломай себе руку и убирайся!"

Тело Чжан Даодзя яростно дрожало и в страхе смотрело на Чжан Хэна, молясь, чтобы его отец заступился за него.

Без его руки он был бы инвалидом, а он не хотел бы им быть.

У отца Чжан Даодзя, который также был главой семьи Чжан, было мрачное лицо, его тело слегка дрожало, и смертельным взглядом смотрело на Чжан Хэна, его рот несколько раз открывался, но в конце концов он закрыл его.

Он ясно дал понять, что с силой и могуществом Чжан Хэна сегодня лучше не обижать его.

Он смиренно пил: "Ты что, не слышал? Его Превосходительство Демигор уже даровал тебе незаконное милосердие, чтобы пощадить твою жизнь, ты хочешь, чтобы мой отец пришел и лично сломал тебе руку?".

Чжан Даодзя не мог поверить своим глазам, когда смотрел на своего отца, он никогда не думал, что его отец выберет праведность.

"Отец, я твой сын..."

Чжан Даодзя был сорван отцом до того, как он смог закончить предложение.

"Хочешь, чтобы я повторил? Немедленно уходи, сломай себе руку, а потом уходи".

Чжан Даодзя посмотрел вокруг на насмешки и насмешливый смех, уже безжалостное до крайности лицо его отца, его тело дрожало от страха.

Он знал, что это не должно было быть сделано, полный обиды глаза падают, или Чжан Хэн видел.

Он пил низко, схватил левую руку прямо и дёрнул всю руку.

Интенсивная боль была мучительной, но он не произнес ни слова, скрипел зубами и смотрел на гладкий пол, позволяя крови капать на него.

Его лицо было ужасным в крайности, но никто его не видел.

"Точно... Простите, Ваше Превосходительство Демигод, я был слеп и не должен был оскорблять ваше достоинство".

Чжан Даодзя использовал все свои силы с каждым сказанным словом.

Как мог Чжан Хэн не чувствовать в нем безжалостности и обиды, но какое отношение это имело к нему?

До тех пор, пока он осмелился иметь дело с ним снова, не будет Линь Мэн и другие, чтобы спасти его, а затем, убивая его будет просто мысль.

"Раз ты знаешь, что ошибаешься, то отойди назад."

Чжан Хэн встал с руками за спиной и сказал безразлично.

"Да... Да!"

Как будто с облегчением, Чжан Даодзя схватил сломанную руку и сразу же схватил дверь.

Естественно, патриарх семьи Чжан, который также был отцом Чжан Даогии, не остался бы позади, чтобы опозориться и надавил на Чжан Хэна, сказав: "Ваше превосходительство Демигод, мой сын обидел. Сначала я извинюсь перед вами от его имени. Однако этот вопрос будет глубоко запомниться нашей семье Западный Шу Чжан".

Он сказал и, не глядя на Чжан Хэна, вырвал дверь и ушел.

Чжан Хэн был немного удивлен, когда посмотрел на свою далекую спину, он, кажется, не боялся его?

Это может означать, что за семьей Западный Куньлунь-Чжан существовало такое же могущественное существо, как и он, или даже миф о мире.

"Похоже, есть необходимость спросить жителей Западного Куньлуна позже."

Между мыслями Чжан Хэна, Лин Мэн, однако, плакал от радости, что родословная семьи Западный Шу Чжан фактически сломала себе руку из-за слов Чжан Хэна.

Что это значит?

Это означало, что сила Чжан Хэна была такой же чудовищной и страшной, как она догадывалась раньше.

Она уже не могла остановить волнение в сердце и схватила за угол пальто Чжан Хэна, трепещущим голосом спросив: "Чжан.... Господин Чжан, не могли бы вы помочь моим родителям добиться справедливости?"

"I.... Я бы все отдал!"

Она понятия не имела, какую разменную монету использовать в качестве разменной монеты, чтобы получить помощь Чжан Хэна, а в итоге подумала о своей целомудренности, которой она дорожила более двадцати лет.

Чжан Хэн посмотрел на нее несколько испуганным взглядом и почувствовал огромную жалость в своем сердце.

"Не волнуйся, но Маленькая Конджиа, я всегда могу искать справедливости для тебя."

Хотя голос Чжан Хэна был не очень громким, все присутствующие его слышали, и все они с шутивым лицом смотрели на семью Цзиньлинг-Конг.

Глава семьи Конг Мингвен и его дочь Конг Минг Яо изменились в унисон, особенно Конг Минг Яо, которая знала Чжан Хэна со времен колледжа и была истинным свидетелем страшного роста Чжан Хэна из обычного человека в бледное дерево.

Он даже искал неприятностей с ее семьей?

Холодный пот Конга Мингяо невольно соскользнул с ее гладкого лба при мысли.

"Проверьте, немедленно! Полубожество Чжан говорит, что он меняет свой способ сказать нам, чтобы мы сами отдали того, кто обидел эту девушку".

"Минг Яо, я дам тебе полчаса, чтобы ты немедленно и тщательно расследовала, кто причиняет ей боль!"

Тело Конга Мингвена слегка дрогнуло, если бы он не находился на высоком месте в течение многих лет, боюсь, что слов Чжан Хэна раньше было бы достаточно, чтобы сделать его таким же уродливым, как и Чжан Даодзя раньше.

Тело Конг Минг Яо затянулось и возглавило приказ: "Да, отец!".

Конг Мингвен посмотрел на Чжан Хэна и изогнул руки в уважение.

"Господин Чжан, пожалуйста, дайте мне немного времени, максимум полчаса, я постараюсь позволить моей маленькой дочери тщательно расследовать это дело, и тогда я определенно дам Ты даешь даме рядом с тобой удовлетворительное объяснение".

Чжан Хэнг мог бы сказать это намного раньше ради того, чтобы дать семье Конг еще один шанс искупить свои грехи.

Не из-за чего, а из-за того, что Конг Мин Яо заботился о нем в годы учебы в университете, и у него не было абсолютно никаких причин для того, чтобы нанести удар по семье Конга.

Таким образом, это также дало возможность семье Конг уйти в отставку, пока они передавали убийцу, который преследовал Лин Мэна, а также Линь Юнь Групп.

Чжан Хэн кивнул головой, что означало, что он согласился сделать то, что сделал Конг Мингвен.

Конг Мингвен почувствовал только большое падение камня с груди, и когда он сделал длинный вдох, то к своему ужасу понял, что его спина промокла.

Чжан Хэн считал, что семья Конг не осмелится играть на виду у него, и он больше не обращал внимания на семью Конг, жестикулируя двум девушкам сидеть с одной стороны, пока он шел по направлению к центру зала.

Согласно процедурным этапам обычного банкета, некоторым танцевальным коллективам и оркестрам, как правило, разрешалось выступать на сцене, а вместо этого хозяину запрещалось петь о великих делах мастера банкета, а именно Чжан Хэна.

Но Чжан Хэн не ел такие вещи, точнее, Чжан Хэн не хотел тратить свое время на такие банальные дела, и если бы у него было время, он мог бы использовать его для выращивания.

Поэтому, когда хозяин собирался выйти на сцену, чтобы выступить, Чжан Хэн вышел и встал прямо перед хозяином.

Он махнул рукой, жестикулируя хозяину.

Хозяин знал, что перед ним хозяин, пригласивший столько героев на сегодняшний банкет, и, увидев его речь, естественно, не осмелился послушаться, слегка поклонившись, а затем поспешно отступив, отступил.

Стоя на сцене, взгляд Чжан Хэна был электрическим, когда он сканировал всех присутствующих, видя соотечественников от иностранцев, а затем иностранцев от соотечественников.

Только после того, как он закончил подметать круг, он прямо сказал: "Я знаю, что вы все пришли, чтобы пригласить меня или оценить мой талант, или Ценные молодые, но и те, и другие, я могу ответить вам однозначно, я китаец, есть, есть, и всегда будет! "

Вся толпа, ожидавшая, что Чжан Хэн что-то скажет, была напугана внезапной прямоотой Чжан Хэна.

Этот парень на самом деле не следовал здравому смыслу!

Вы знаете, что, как правило, это должны быть многочисленные иностранные семьи, которые излагают свои условия, и тогда Чжан Хэн, наконец, решит, ехать или нет.

Даже жители Западного Куньлуна и Восточного Пенглая были готовы воспользоваться этой возможностью, чтобы увидеть, насколько важен Чжан Хэн для иностранных семей, и лишь небольшой проблеск условий раскрыл бы всю картину.

Но подход Чжан Хэна напрямую оставил их безмолвными, а это все равно позволило им воспользоваться возможностью понять силу зарубежных стран?

Жители Западного Куньлуня и Восточного Пенгляя горько смеялись, но никто не осмелился встать и сказать Чжан Хэн, зная, что это полумесяц мифа.

Точно так же, как на протяжении всего процесса царил тишина, голос внезапно раздался недалеко от фронта.

"Черная Луна Демигод Короне", насколько я знаю, ты был не более чем обычным гражданином Китая до того, как у тебя появились волосы, и у тебя была тяжелая жизнь. ."

"Твой отец даже тяжело работал каждый день, но все равно не мог заработать ни пенни!"

"Какой смысл таскать с собой такую страну? Почему бы вам не присоединиться к нашей Великой Воле, с ее строгим академическим стилем, передовыми технологиями, совершенной системой и ужасающими боевыми искусствами, что мы можем дать вам! Определенно больше, чем в Китае!"

"Вы считаете, что мы, семья Великого Уилла Хиллмана, обязательно дадим вам отчет, который удовлетворит ваше сердце."

Чжан Хэн холодно посмотрел на представителя семьи Хиллман перед ним, но не открыл рот, вместо этого подметаает толпу и говорит безразлично". Есть ли кто-нибудь еще, похожий на него, кто хочет мне посоветовать?"

"Я!"

Один человек встал.

"Я из..."

Один за другим представители различных семей из почти десятка стран мира выражали желание своих семей воспользоваться услугами Чжан Хэна.

Только после того, как они закончили говорить, и никто не открыл им рта, Чжан Хэн прямо посмотрел на тех членов семьи, которые хотели покопаться в нем холодными глазами, и сказал: "Ребята, вы... Ты знаешь слово "благодарность"? Возможно, Китай еще не очень развит, но он думает о том, чтобы опередить мир. Может быть, в нем еще есть место для улучшений, но он родил меня и воспитывал более 20 лет, и все, что у меня есть, здесь, и мои родители здесь, и если только Потому что ты поколебал мой патриотизм несколькими словами и несколькими преимуществами, тогда..."

"Когда боевые искусства будут достаточно сильны, чтобы уйти с Земли, скажите мне, кто сможет столкнуться с сильным врагом инопланетного вида Вселенной... Убедиться, что этот человек удержится на Земле, а не пойдет в наступление и станет предателем?"

Электрический взгляд Чжан Хэна охватил всех присутствующих.

Толпа была напугана, и они несколько не смогли понять слова Чжан Хэна.

Однако некоторые семьи с ужасающим прошлым находились в коротком созерцании.

Вдруг один человек встал и сказал: "Короната Черной Луны, я из горного семейства Царства М". Как вы сказали, если предположить, что во вселенной действительно существует ужас, и если предположить, что наша Земля действительно может шагнуть вперед во вселенную, то, чтобы лучше противостоять Врагу, мы также должны сделать все возможное, чтобы получить максимальную выгоду и улучшить наши собственные силы насколько это возможно, вы думаете, я прав?"

"Я, семья Хиллов, готов дать вам информацию о текущей мифологии и об истинных бессмертных землях по всему миру, если вы так говорите. Присоединяйся к моей семье Хиллов и будь моим мужчиной!"

Человек, который стоял, был современным главой семьи Шир, Шир Ман Мяо.

Чжан Хэн посмотрел на эту женщину, сочетающую в себе красоту, сексуальность и женственность, и спросил: "Вы слышали историю?"

"Какая история?"

Хилл-Ман Мяо был озадачен.

Чжан Хэн посмотрел на нее свысока и безразлично сказал: "Может быть, вы и не знакомы с этой историей, но я скажу вам прямо сейчас, что в древнем Китае был специалист, который играл на лютне. Однажды он играл цинь с коровой, думая, что слышит его отчетливо, но корова не двигала мышцами и совсем не понимала его. Звук лиры. В конце концов он берет лиру и вздыхает корове!"

Лицо Шир-Манмяо сразу же потемнело.

Она сразу поняла, что имел в виду Чжан Хэн, он говорил, что не хочет ей объяснять, потому что, по его мнению, она была коровой, и она не поймет, даже если он объяснит.

"Коронет Чжан Хэй Юэ, пожалуйста, отзовите свои прежние слова, иначе вы станете врагом

Моей Иерархии, а также Моей Иерархии, стоящей за Семья Аделаиды - враг".

Чжан Хэн даже никогда не слышал об этой Аделаиде, тем более не знал, кто он такой.

Он сметал ее так же бледно и чихнул: "После всех этих разговоров ты тоже всего лишь собака из семьи Аделаиды". Возвращайся и скажи Аделаиде позади тебя, что не надо тщетно думать, я не собираюсь менять свою национальность!"

"Если я китаец, я всегда буду китайцем, неважно, будет ли это сто лет, тысяча, десять тысяч лет или сто миллионов лет, я всегда буду китайцем!"

"Далее, пусть народ Западного Куньлуна Китая примет тебя!"

"Спокойной ночи в моей стране!"

Чжан Хэн сказал, глядя на Конга Мингвена, который сидел в углу и ушел, не оглядываясь назад, исчезнув в гостинице Howardian Hotel и слившись с ночью.

<http://tl.rulate.ru/book/41006/943581>